

СТЕФАН

В похлебке у Стефана плавала целая россыпь глаз каких-то нездешних тварей, клочки речной тины, немного песка и — как будто в насмешку — несколько кусков вареной картошки. Рядом с его миской стояла еще кружка воды, такой ледяной, что сводило зубы. Стефан попробовал нагреть воду магией. У него получилось, но уже спустя несколько мгновений от кружки снова повеяло холодом.

— Ты перепутал. Это не еда. Мельница должна кормить своего мага, ты нарушаешь связь между нами, так что я знаю, что тебе самому из-за этого больно, Марко.

«Ну да. Зато ты голодный».

— Смотри, покроешься трещинами, как неделю назад, — лечить не буду.

«Не дожدهшься. Картошка съедобная, вода в кружке питьевая».

Справедливости ради, раньше дела и правда обстояли еще хуже. Неделю назад Марко попытался накормить Стефана грязью, еще раньше — сыпанул в миску снега вперемешку

с чьей-то шерстью, сделал салат из гнилых помидоров, приготовил жареных скорпионов, паучьи ножки, кошачьи когти. О существовании нормальной еды Марко тоже иногда вспоминал — и тогда на тарелке у Стефана появлялся огромный кусок сливочного масла или сырая баранья нога.

Вздохнув, Стефан принялся выковыривать из похлебки куски картошки — довольно вкусной, учитывая обстоятельства. Марко сжался над ним и самую малость подогрел воду в кружке.

Всю жизнь Стефан больше всего на свете боялся остаться один. Теперь Марко стал его мельницей, так что они будут вместе до самой своей (скорее всего, одновременной) смерти. Их связь крепче любого контракта, любой клятвы, любых обязательств. Смешно, что Стефан так мало это ценит. Эйлерт сказал бы «иронично», но Эйлера здесь не было. Они с Джейлис не успели увидеть, как проходит ритуал, не успели понять, что деревня будет спасена, не успели ни с кем попрощаться. Рывок — и все, нет их, словно невидимый великан в кулаке спрятал.

Как же Стефан по ним скучал. И по Дитеру.

— Мельница Дитера была идеальной, — заметил Стефан, пережевывая картошку.

«Как жаль, что у тебя нет никого, кроме меня».

Стефан часто повторял себе, что со временем станет лучше. Когда просыпался ночью от холода, запаха краски, волчьего воя. Когда все комнаты вдруг заполнялись пылью. Когда Марко не открывал ему дверь, заставляя топтаться на крыльце, как дурака. Каждый раз Стефан сжимал кулаки и бормотал сквозь стиснутые зубы: «Станет легче, станет легче, станет легче». Темный маг должен быть сильным, даже если ему всего пятнадцать.

Особенно если ему всего пятнадцать. Стефан надеялся, что со временем вокруг него сами собой образуются друзья, приятели, почитатели и завистники, волшебные существа и разумные животные, места, где он чувствует себя как дома, вещи, в которые он верит и которые защищает. Что он обрстет всем этим, как скала ракушками, как камень в лесу — мхом. Но пока ничего подобного не случилось.

Марко, конечно, с радостью ухватился за этот страх и принялся ухудшать положение. Каждые пару дней он отправлялся в новую деревню — если Стефану везло, то, когда Марко внезапно трогался в путь, он находился внутри и просто скатывался на пол. Но пару раз ему приходилось бежать за собственной мельницей, ругаясь сквозь зубы и пытаясь колдовать на ходу. Стоило Стефану поговорить с жителем какой-нибудь деревеньки дольше пары минут — и Марко уже готовился сниматься с места.

Был бы Стефан добрее, если бы мельницу сделали из него? Смог бы он смириться со своим положением или, наоборот, мучал бы Марко еще сильнее, еще изощреннее? Он не знал.

Он вообще очень мало знал.

* * *

Сегодня они остановились на окраине небольшого городка: забравшись на крышу мельницы, Стефан смотрел, как закатное солнце аккуратно поливает мягким теплом разноцветные стены домов. Местные жители предпочитали зеленый и голубой: с высоты это было особенно заметно. Домики в три-четыре этажа стояли очень близко друг к другу,

словно перешептывались о чем-то. Вдалеке стайка детей увлеченно носилась по крышам, перепрыгивая с одной на другую.

— Ты в детстве прыгал по крышам, Марко? Играл в захват крепости или в стражников и воров?

«Не твое дело».

Что ж, справедливо. Стефан закрыл глаза и попробовал почувствовать *другую сторону*. В некоторых местах она оказывалась как будто ближе, в других — дальше, и там колдовство изматывало его чуть быстрее. Здесь было хорошо: *та сторона* чуть ли не сама в него всматривалась: протяни руку — коснешься.

— Мне нужна твоя помощь.

«Ага. Во всем. Скоро до толчка сходить без меня не сможешь».

— Да погоди, послушай! Я попробую заглянуть туда, а ты, если меня засосет, вытащи обратно, сможешь?

«В толчок засосет?»

Стефан фыркнул.

— *Туда*.

Он был готов к очередной колкости, но Марко как будто осекся. Дети на улице визжали и вопили друг другу дразнилки. В окно одного из домов, темно-синего, высунулась женщина и принялась вытряхивать старенький полосатый половичок. Чтобы немного поднять себе настроение, Стефан сделал так, что вместо песка из половичка посыпались монетки. Женщина смешно охнула, быстро втянула половичок обратно в окно, а через полминуты выбежала на улицу и принялась подбирать мелочь с тротуара. На ее счастье, никто не заметил внезапного подарка судьбы, но женщина все равно суетилась и причмокивала губами от волнения.

«По тюрьме соскучился?»

— Да там немного. И выглядят совсем как настоящие.

«Стражникам это Расскажи. И, кстати, загремишь в тюрьму — ни единой досочкой не пошевелю, чтобы тебя вызволить».

— Да что ты заладил...

«А с той стороны вытяну. Позовешь — услышу».

С мельницей колдовство дается намного проще — как будто у тебя, к примеру, четыре руки, а не две, и каждой ты можешь работать одинаково ловко. Или восемь ног, или шестнадцать пар глаз со всех сторон головы... Но эта голова все равно только одна, так что соображать быстрее не получается.

Он никогда не научится колдовать хорошо, никогда не станет как Дитер. А вот Марко, наоборот, в конце концов найдет способ отомстить ему, убить прямо во сне. Пойдет против собственной новой природы, ну и что с того? Марко талантливый, в отличие от Стефана...

Страх бился в груди волшебным клубком, и Стефан разматывал его в дорогу. Узкая и прямая, она вела его на ту сторону.

Туда, где живут все кошмары.

Туда, где Эйлерт и Джейлис. Которые до сих пор живы, а значит, их можно найти.

Или они давно мертвы, а амулеты жизни сломались, вот и не гаснут. Или, может быть, не сломались, а просто заманивают нового мага в ловушку, нечисть такое умеет.

Напитанная страхом Стефана, дорога почти светилась. Он зашагал по ней, не думая и не оглядываясь, чувствуя, как тело перестает сидеть на деревянном мельничном полу, как совсем близко дышит мутное, серое, чужое...

Сможет ли он там дышать вообще? Но Эйлерт и Джейлис ведь как-то могут!

Стефан вытянул руку вперед, согнул колени, готовясь к рывку на *ту сторону*. Прыгнул. И все закончилось.

Вокруг не было ничего: ни плотности, ни запаха, ни цвета. Стефан попробовал посмотреть вниз, подпрыгнуть, поднырнуть, но верха и низа здесь тоже не существовало. Он отчаянно зажмурился: вдруг окажется, что и тела у него больше нет? Лучше не проверять, не смотреть на собственные руки.

А ведь это даже логично: неумелые маги застревают между двумя сторонами, как мухи между двойными стеклами. Или мухи в янтаре. Или в паутине — и тогда скоро Стефан познакомится с пауком, который его сожрет. Неужели Эйлерт и Джейлис тоже вот так висят? Неужели всю жизнь, всю вечность?..

— МАРКО!

«Да?»

— Вытащи меня обратно!

«Попробуй найти плюсы в сложившейся ситуации. Например, в этом состоянии ты, скорее всего, сможешь жить вечно. Многие маги о таком мечтают. И уж точно не будешь стареть. И моей несъедобной едой не придется давиться. И просыпаться по ночам, да и вообще спать...»

Голос Марко звучал приглушенно, как будто издалека.

— Но ты обещал мне помочь!

«Неа. Я обещал услышать, если позовешь».

— И вытянуть!

«Вытянуть *оттуда*. Только вот ты не там, Стефан. Ты *между*».

Стефан застонал, боясь, что ничего не услышит. Но нет, тело, кажется, у него все-таки осталось. В бесцветной пу-

стоте его стон прозвучал одиноко и тоненько, будто писк брошенного под дождем котенка. Вдруг нечто подобное и происходит с людьми после смерти? Вдруг Дитер тоже где-то здесь, зовет их, но никто его не слышит? Стефан прищурился, пытаясь рассмотреть хоть что-то.

Тщетно.

— Марко!

Его мельница молчала, чувствуя, что Стефану страшно. Нужно было попробовать испугаться еще сильнее и вырваться отсюда самому... Но этот страх был не такой, как на *его* стороне, в *его* мире. Слишком безысходный. Колдовать на таком — как пытаться плавать в песке. Стефан все равно попробовал — раз, другой, третий. По щекам текли слезы, во рту пересохло. Он закашлялся и тут же испугался: вдруг пустота проникнет внутрь него, что тогда будет? Стефан растворится? Превратится в ничто?

— Между прочим, мельница без мага умирает.

«Это если ты умрешь, а ты живой».

Ишь, сразу откликнулся.

— А если умру тут? Колдовать у меня не получается, я легкая добыча для чего угодно, для любых чудовищ.

«Зато ныть у тебя выходит просто отлично. Нет там никаких чудовищ. Вообще ничего нет».

Голос Марко у него в голове так и сочился издевкой, хоть собирай и ешь, как мед с пчелиных сот. И правда, разжалобить его у Стефана никогда не получалось. Эйлерта иногда — да, но не Марко.

— Думаю, ты просто не можешь меня вытащить, вот и паясничаешь.

«Я бы смог. Но никакого желания пробовать. Убийца».

По спине пробежал холодок. Стефан называл себя так — особенно ночью, когда сон никак не приходил, зато кошмары — пожалуйста. Но от Марко он слышал это слово впервые.

— Мне жаль, что так вышло, Марко.

«Нет. Ты радуешься, что сам остался жив».

— Ну да... наверное... А ты бы на моем месте не радовался?

«Наверное, — передразнил Марко. — Только вот я не на твоём месте. Я превратился непонятно во что, меня вообще, считай, нет! Для всех, кроме тебя, я умер, понимаешь ты?!»

— Поэтому ты хочешь оставить в пустоте единственного человека, который тебя слышит?

«Ага. Чтобы он не мог наслаждаться плодами своей подлости».

— Было бы чем наслаждаться...

«Беденький».

Стефан стиснул зубы. Препираться можно было бесконечно, но лучше осознать наконец, что полагаться он теперь может только на себя. Скорее всего, это и называется взрослением. Довольно паршиво.

Стефан подышал, успокаиваясь. Вспоминал, как страшно ему было в тот день, когда погиб Дитер, когда исчезли Эйлерт и Джейлис, когда... ну да, когда он убил Марко, — если ему нравится формулировать это именно так, пожалуйста. Сосредоточиться на страхе не получалось: тогда Стефану казалось, что паника захлестывает его с такой силой, что дышать невозможно, но теперь тогдашний страх стал неотделим от боли и скорби, от ощущения одиночества, от желания сдаться. И от чувства вины.

Может, не пытаться отделять только страх? В конце концов, маг владеет собственными эмоциями — так почему бы

не использовать всю эту смесь? Какая разница, если все начинается и заканчивается страхом. Как обычно.

Стефан позволил эмоциям захватить себя, но, когда пора было сделать рывок, решил не торопиться. Не пробиваться на свою сторону мира, а сперва просто ее увидеть. Или хотя бы нащупать.

Его мир едва заметно мерцал где-то на краю зрения и, кажется, шелестел и поскрипывал, как деревья на зимнем ветру. Стефан смотрел дальше, тянулся к нему, напрягаясь и не напрягаясь одновременно.

В его мире пульсировало что-то сильное и яркое. Раньше Стефану как будто темная ширма мешала увидеть это, а теперь он заглянул над преградой. Сильное, яркое, колющее, мятущееся, несчастное. И родное, как будто этот сгусток магии был Стефану ближе, чем просто его мир.

Что ж, если мельница не идет к магу...

— Марко, — подумал Стефан, не отрывая взгляда от сгустка. — Я приказываю тебе меня вытащить, а не хочешь — прийти ко мне.

Сгусток дернулся, задрожал.

«Да пошел ты в упыриное логово со своими приказами!»

— Тогда иди ко мне, — издевательски улыбнулся Стефан.

Между ним и сгустком натянулась золотистая нить, яркая, светящаяся, живая. Марко тихо ругался у него в голове. Стефан чувствовал его злость и страх, его боль и решимость. Марко и правда готов был умереть ради того, чтобы Стефан тоже умер. Предпочел бы так, лишь бы его не спасать.

От этого осознания страх Стефана стал темнее и жестче. Стефан ухватился за него, добавил к их связи с Марко — и побежал по ней, как по тропинке в лесу.

В мире Стефана было много воздуха, цвета, звуков, запахов — его чуть не стошнило от всего этого многообразия. И голова, казалось, готова была лопнуть. Да и глаза... Как будто он успел привыкнуть к пустоте. Как будто он висел там годами.

Стефан вздрогнул. Спросил не своим голосом:

— Сколько меня здесь не было, Марко?

«Часов пять. Глаза разлепи, ночь уже».

Стефан послушно выглянул в окно: темное небо, малахольные звезды, городские домики темные, но в некоторых самоцветами горят окошки. На мостовой перед мельницей то ли дерутся, то ли играют два кота, белый и рыжий. Прыгают по каким-то доскам и прочему деревянному мусору. Что это за мусор, интересно? Раньше его здесь не было.

Обломки досок на мостовой, тем не менее, показались знакомыми. Стефан рванул вниз, на улицу. И чуть не упал носом в камни, потому что крыльца у мельницы теперь не было. Как и ставень. Один парус треснул, еще один как будто обгорел, хотя дымом не пахло.

— Что с тобой?

Марко ничего не ответил, но Стефан и так понял. Мельница создана своим магом и связана с ним. Для нее естественно всегда быть с ним заодно. В мелочах этим несложно пренебречь: сарказм, едкость, постоянные пикировки — в конце концов, все это часть их отношений друг с другом. А вот не прийти, когда Стефан звал его на помощь, решительно и недвусмысленно ему отказать — другое дело.

— А если бы ты попытался меня убить, ты бы рассыпался?

«Убить меня попытался ты, и очень успешно!»

— Я имею в виду, уже мельницей.

«Не твое дело».

— Больно, да?

«Очень».

Стефан спрашивал о том, что будет, если Марко-мельница попробует его убить, но вдруг почувствовал, что ответ был про сейчас. Он тяжело слотнул.

— Если ты думаешь, что я стану тебе помогать...

«Тоже мне. Нос не дорос мне помогать».

— Вот и не буду, ты сам виноват!

«Вот и не надо. Все равно у тебя нет друзей, не перед кем красоваться».

На самом деле Стефан мог бы починить свою мельницу. Он чувствовал это даже при всей своей неопытности. Может быть, он сменит гнев на милость... но не сейчас. Сейчас ему больше всего на свете хотелось спать, желательно — без жутких сновидений.

Его матрац оказался в меру мягким, подушка — правильного размера, без сюрпризов вроде насекомых или плесени. Наверное, Марко тоже устал, потому и не пакостит. Наверное, Эйлерт на месте Стефана починил бы свою мельницу. Да и Джейлис бы починила. Только вот они выбрали быть вообще без мельницы, так что чинить им только друг друга...

Стефану снилась темнота, уютная и безопасная.